

Тимошук Е. А. (Россия)
Timoschuk E.A. (Russia)

ДИСКУРСЕМЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современная культура интенсивно проектируется и генерируется через дискурсивные практики и иные модели производства социальной intersубъективности (шоппинг, челночество, международный туризм). При этом дискурсивные практики занимают особое место в упорядочивании медиа пространства. Попытаемся разобраться, что же стоит за этим модным понятием. Термин «дискурс» (англ. discourse, лат. discursus) пришёл к нам из Средних веков, где он означал рассуждение, речь; движение познания от посылок к выводу (как в силлогизме) и таким образом противопоставлялся непосредственному или интуитивному познанию. Выделялось два вида дискурса: 1) последовательный (движение от познанного к непознанному), 2) каузальный (движение от принципов к заключениям) [12]. Один из первых исследователей дискурса в России, Ю. С. Степанов поэтому и выбирает в качестве базового определения, следующее: «последовательность элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п.» [22, с. 38].

Таким образом, прежде всего, дискурс – это текст (лат. textus – ткань), который в процессе чтения во внутреннем мире читателя превращается в речь, которая живет своей собственной жизнью [17]. Это вербальная, описательная реальность, которая выявляет и высвечивает себя и языком, и письмом, и речью, и высказыванием, и говорением [7]. Именно в таком значении понятие стало использоваться во Франции в 60-х годах прошлого века. Если раньше, в 50-х годах его узус был «публичное выступление» и не более того, то когда термин стал на слуху, он вобрал в себя различные оттенки смысла: «текст», «теорию», «стилистически окрашенная речь», «логос», «сверхфразовое единство», «социально-упорядоченный механизм порождения речи», «живое осознанное представление текста в опыте пишущих и читающих» [4, с. 92].

Дж. Реалии Д. Антисеривного томно издании по истории философии используют «дискурс» как синоним «речи, диалога, рассуждения»: сократический дискурс, платоновский дискурс. Аналогично Е. Н. Молодцова

противопоставляет дискурсивную философию – созерцательной, а дискурсивно-логическое (рассудочно-дискурсивное), словесно-рефлексивное знание – интуитивному, которое является беспредпосылочным, и не записывается знаками. Автор обращается к античному противопоставлению дианойи (рассудка) и нуса (ума). Рассудочная деятельность, где слово сражается с другим словом, представляется низшей по иерархии и непригодной для достижения целостности человека [8].

Латинское *discursus* (причастие от глагола *currere* – бегу), видимо, является переводом греческого «дианойа» – движение мысли вперёд и назад, разум, выговаривающий сам себя у Платона; мыслящая часть души у Плотина. Близкими категориями будут «логос», «диалектикэ», а противоположными – «нозис» (интуитивное понимание), невербальная, ввелингвистическая коммуникация.

В этом контексте дискурс – это отличительная особенность гуманитарных наук, где доказательство ведётся пропозиционно, в отличие от демонстративных естественных наук. Л. П. Киященко называет, поэтому, дискурсивные практики «олитературиванием науки», введением в «арсенал средств современной науки представлений о стилях научного мышления, альтернативных точках зрения, научных парадигмах (как коллективной договоренности единомышленников), образов и картин мира, допущений в форме умолчания, символов, метафор и т.д. Вся эта атрибутика гуманитарного знания была и присутствует сейчас в естественнонаучном знании, постоянно нарушая чистоту традиций классического рационализма» [9].

В другой работе Л. П. Киященко исследует границы языка науки и приходит к демаркации логического, аналитического (теоретического) и паралогического (нарративного) дискурсов в науке. «Нарративное знание – одна из форм коммуникативной рациональности, которая укоренена в опыте, языке, установлениях культуры» [10].

В более широком смысле дискурс может пониматься как близкий термин для любой устойчивой совокупности высказываний (мнения, интерпретация, концепция, теория), за которыми стоят социальные группы [13]. Можно продолжить ряд близких понятий: тренд, направление, течение; парадигма; дискуссионное поле, рассуждение (напр. дискурс о модерне – Ю. Хабермас).

Дискурс в социальном контексте – это *ценностное языковое сообщество, полевая формация*, где участники «нащупывают» адекватный

язык описания реальности, подтверждают принадлежность к некому смысловому кластеру, воспроизводят коллективную идентичность (производственные, политические, религиозные и иные группы). Отсюда целый пласт понятий, связывающих знания, интересы, высказывания и власть, политику, описанных во французской философии 20 в.: дискурс рациональности как дискурс власти в эпоху Просвещения, властные дискурсивные практики, власть как дискурсивный феномен, коллективный дискурс (Р. Барт), идеологии и дискурсы групп.

Вследствие конкуренции классов и групп, образуются публично декларируемые, доминирующие властные дискурсы и скрытые, в которых можно обнаружить другое описание статус кво. В мире вещей дискурс «склеивает» разнородные вещи в ансамбли, диспозитивы, включающие в себя социальные институты, архитектуру, законы, научные и философские положения; вместе с тем, дискурс бессубъектен, здесь нет принципа «кто против кого», он сродни коллективному бессознательному (М. Фуко). Французский историк науки через археологию гуманитарных наук стремится познать, как слово становится делом, а сказанное – вещью, на примере медицины, психиатрии, пенитенциарной системы.

Анонимность и креативность составляют внутренний нерв дискурса, в котором сообщение – это не информация, а внутренняя необходимость по самоидентификации ценностной группы; дискурс состоит из конститутивных установок и выражает ментальность благодаря своей событийной серийности [14].

Анонимность дискурса растёт по мере типизации высказываний, удаления от ситуации «здесь и сейчас» (Т. Лукман). Высказывания, разделяемые с другими людьми, составляют интересубъективную реальность, что объективирует дискурс для его участников. Через серийность, типизацию, анонимность дискурсивные формации институализируются, становятся социокультурной тканью, опредмечиваются. Опредемечивание (объективация) процессов мышления в продукты человеческой деятельности, которые становятся понятны как производителю, так и другим людям в качестве элементов их общего мира, является точкой пересечения марксизма и феноменологии [20, с. 82].

В филологии Ц. Тодорова дискурс – это зафиксированные в них ментальные структуры, в отличие от «материального» текста. Дискурс тогда относится к акту высказывания (вербализируемому значению), а текст – к высказыванию (фиксированному тексту).

Э. Лакло рассматривает дискурс как политическую артикуляцию коллективной идентичности; социальный порядок, в котором нет разделения на базис и надстройку, а скорее присутствует нетопологическая смысловая тотальность. Каждый элемент дискурсивно-социального порядка не имеет внешних детерминаций, его место зависит от отношений в дискурсивном комплексе: реляция конституирует социокультурное бытие, которое становится подвижным, зависящим от обстоятельств.

Аналогичную трактовку предлагает А. П. Огурцов, называя дискурс целостной системой, включающей в себя способ мышления, теоретическую систему, поведенческие практики, навыки познания, регулятивы профессиональной деятельности [15].

Дискурс, образующий социальное поле присутствия, может быть выстроен вещами, графикой (математический дискурс [3]), но не обязательно языком: «...всякое значимое единство независимо от того, является ли оно словесным или визуальным; фотография будет для нас таким же сообщением, что и газетная статья; любые предметы могут стать сообщением, если они что-либо значат» [2, 73]. Этим дискурс-поле отличается от дискурса-ткани, который существует как «вербальный текст, отличный от других форм воплощения текстового сознания: графических, живописных, пластических, музыкальных, числовых и т.д.» [6].

Поэтому в социальном контексте дискурс изоморфен понятию *net society*, в котором информация, идеалы, ценности, знания, ресурсы распределяются между удалёнными участниками коммуникации, не образующими дискретных топосов: «дискурс – это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест», это граница контакта языка и реальности, лексики и опыта [18, с. 48, 55]. Дискурс разорван не только в пространстве: это рассредоточенная во времени смысловая конструкция.

Сетевое общество генерирует множество коллективных идентичностей, нуждающихся в поддержании, внутри- и межгрупповой артикуляции. Дискурс не существует «ради самого себя, но во всех своих употреблениях стремится перенести в язык опыт, способ обитания и бытия-в-мире, которые ему предшествуют и требуют быть высказанными» [1, с. 324]. Например технодискурс – это язык замкнутый на технике, способствующий ее распространению, критикующий любое радикальное отступление от технократической мысли; определённый функциональный тезаурус и свои проблемы (Д. Жанико).

Конвергенция и дивергенция дискурса есть постэффект его социальности. С одной стороны, он выступает организованной когерентной (сцепленной) конструкцией терминов, определений, идеалов, образующих замкнутую непротиворечивую систему, претендующую на полноту описания некоей области реальности.

С другой стороны, дискурс знаменует рассредоточение семантического единства, эксфолиацию бытия языков культуры (отсюда бесчисленные дискурсы власти, закона, церкви, криминологии, позитивизма, психиатрии и т.д.) [19]. Множественность дискурсов коррелирует с многоуровневостью идентичностей и социокультурных ролей. Идентичности активируются дискурсом и, напротив, дискурсы формируют идентичности. Идеологии порождают монодискурсы, силой вытесняющие инаковость (военный коммунизм, национал-социализм). Поэтому структура дискурса противоречива: в нём есть индивидуализированные акторы: авторы, основатели и есть анонимные передаточные звенья.

Дискурс может быть связан не только с акторами, но и со структурами. В символическом интеракционизме П. Бурдьё он образует круг культуры и культурной репрезентации и связан с символическим конструированием смысловых порядков. Подведём итог функциям дискурса:

- интегрирующая;
- идентификационная;
- социализирующая;
- политическая;
- институциональная (языки и практики семьи, школы, вуза, армии, трудовых коллективов);
- познавательно-образовательная (профессиональные языки);
- символическая (маркировка социального пространства).

Мы выяснили, что термин «дискурс» имеет два основных значения:

1) микроанализ языка, языковая прагматика, как используется язык в каких-то контекстах, 2) нарратология знания, вышедшая из объёма неких первичных текстов.

Разработан семиотико-лингвистический метод – критический дискурсивный анализ (КДА), с помощью которого исследуется идеологическая функцию языка. Голландский исследователь Ван Дейк на основании изучения газетных новостей, речей учёных, парламентских дебатов, корпоративных нарративов демонстрирует, как дискурс становится частью воспроизводства тех или иных идеологий. КДА выделяет микро и макро

уровни социального порядка, а также предлагает следующую матрицу для изучения: индивиды – группы, социальные акты – процессы, структуры – контексты, личное – общественное знание.

Ю. Хабермас также связывает дискурс с прагматикой речи: это политика знания, управление определённой нормативной лексикой: власть, доминирование, идеология, контроль СМИ, экспертократия, класс, раса, гендер, этнические меньшинства, чёрные, беженцы, терроризм, дискриминация. Некоторые формы описания действительности с точки зрения дискурсивного анализа являются мифологемами (дискурсемами), гипостазирующими реальность: тоталитарная секта, промывка мозгов, зомбирование, гипноз и т.п.

Мы живем в эпоху, когда следует помимо научных фактов, следует выделить ещё дискурсивные и медийные факты. Конечно, в этом случае «фактуальное» знание размывается, подменяется дискурсией, intersубъективным процессом смыслопорождения. Если научный факт – это точный, объективный фрагмент реальности, истинность которого может быть доказана, медийные и дискурсивные факты зачастую не могут быть верифицированы, в силу: 1) уникальности события и невозпроизводимости в других условиях, 2) большого постпиара, не оставляющего шансов на иную трактовку событий, 3) их лингвистического характера (поэтому авторы Википедии при описании таких фактов вынуждены воспроизводить все дискурсы на эту тему).

Процедуры формирования медийного и дискурсивного факта значительно отличаются от перцептивных и материально-практических фактов, в достоверности которых можно удостовериться при помощи наблюдения и эксперимента. Дискурсивно-медийный факт (дискурсема), однако, может быть подвергнут измерению и сравнению, благо для этого сегодня в Интернете существуют хорошие инструменты (Гугл трендс, например), способные фиксировать силу и эффект факта по степени упоминания, цитирования, обращения, комментирования. И, конечно, дискурсема обладают таким свойством, как общественное признание, в этом и заключается их главная убедительность.

Итак, дискурсема – это фрагмент социокультурной действительности, обладающий следующими признаками: 1) артикулированность, 2) дискретность, 3) intersубъективность. При этом особенность медиафакта заключается в том, что он опосредован техническими средствами, что может накладывать отпечаток на восприятие истинности (*media is the*

message). Например, при медиатизации факта о захвате марсианами Кремля, восприятие истинности и социальный постэффект последовательно растет: а) высказывание на интернет-форуме, б) заметка в бульварной газете, в) сообщение на радио «Эхо Москвы», г) главный репортаж в новостях «Первого канала».

Р. Келлер, современный немецкий исследователь дискурса, предлагает соотнести герменевтический анализ и дискурс. Первое, что должно быть сделано, это ограничение дискурса. Для этого выбираются критерии ограничения: место, время, издание, автор и т.п. В то же самое время мы должны найти связь с другими дискурсами и посмотреть, есть ли интердискурсивность. Далее, нам нужно структурировать наше изучение текстов. С одной стороны, нам нужно уменьшить количество материала, с другой – нам нужно увидеть, как она будет связана с другими. Также следует определить, что является ключевым текстом, т.е. тем, с которым другие всегда соотносятся. В своей идентификации, этот текст занимает особое место. Так, ключевым текстом к пониманию адорновской эстетики является его совместная работа с М. Хоркхаймером «Диалектика просвещения». Или книга П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1966) является ключевой для социологии знания. Для фундаменталистов, важно последнее письмо Мухаммеда Аттах, написанное до того, как он совершил нападение на башни в Нью-Йорке.

Ключевой текст формирует герменевтический круг: с его помощью можно интерпретировать другие тексты, а они, в свою очередь, не могут быть поняты без него. Следует учитывать, какова роль позиция говорящего в тексте (политик, юрист, врач). Социология знания помогает эмпирически реконструировать ситуативные процессы негоциации, а также артикуляции индивидуальности, пониманию формообразованию знания на индивидуальном уровне.

Р. Келлер предлагает следующие этапы анализа дискурса: 1) выделение ключевых понятий, 2) постановка уточняющих вопросов, 3) построение базы взаимозависимых значений количественными методами, 4) интерпретация значений в помощью качественных методов, 5) работа с границами контекстов – демаркация и ценностная характеристика.

Дискурсивный анализ обнаруживает много общего с социальной феноменологией в части следующих атрибутов:

- 1) артикулированность (дискурс должен быть озвучен, чтобы быть);
- 2) серийность (дискурс – это многократные речевые и социальные практики);
- 3) типизация высказываний (утверждения должны быть согласованны (Сметанина О.М. называет это «стереотипизация» [24]);
- 4) селективность (групповое мышление осуществляет ценностную выборку из множества утверждений для профилирования своих интересов; дискурсы могут существовать, потому что редуцируют сложность [21, с. 20]);
- 5) репрезентативность (иерархия дискурсов, доминирующие и миноритарные дискурсы);
- 6) интересубъективность (договорная концепция истины);
- 7) модальность (дискурс способен нести дополнительную информацию);
- 8) автопоэтичность, фрактальность (дискурс – это система, которая воспроизводит сама себя);

Можно выделить также о некоторые феноменологические акциденции дискурса:

- 1) анонимность (при наличии ключевых текстов, масса людей, повторяющих эти мантры, действует неосознанно, как коллективное бессознательное);
- 2) медийность (сегодня не достаточно только выразить мнение, важно ещё его воспроизводить через технические средства);
- 3) креативность (например, философия превращается в бесконечные потоки-импровизации великих гуру, выторговывающие новые оттенки смысла, маркирующие пространство, – марка «Деррида» ничем не отличается от марки «Форд») [5, с. 11];
- 4) подвижность, динамичность (например, интернет форумы).

Дискурсивная стратегия также как и социокультурная феноменология позволяет универсализировать субъективный мир и представить его как объект научного изучения. Культура – это и производство, и продуцирующая сила и конечный продукт производственных отношений. Её полное понимание если и возможно, то только как самоконструирующегося процесса, где значительное место занимает овеществление дискурсов, материализация речевых высказываний и волеизъявлений социальных групп (см. рис. 1).

ЭТАПЫ ОПРЕДЕМЕЧИВАНИЯ ДИСКУРСА

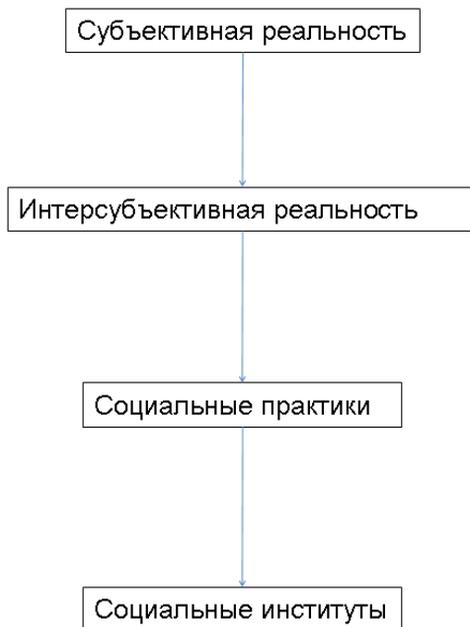

Рис.1. Этапы опредмечивания дискурса

Этот процесс походит на этапы институализации в социологии, однако не все дискурсы доходят до формализации. Допустим, новое религиозное движение может дойти до этапа институализации, а Интернет форум по организации флешмоб – остаться на уровне социальных практик.

Социокультурная феноменология не может постулировать возвращения к самоданному и самоочевидному миру вещей, т.к. её объекты, как и в дискурсивном анализе, многозначны, динамичны и активны. Их сближает: стремление к беспредпосылочному познанию мира, радикальное очищение предмета познания от многочисленных наслоений, различение общественных процессов и модусов их восприятия (мифологических, религиозных, философских, научных, политических и пр.).

Социальная феноменология и дискурсивный анализ имеют важную методологическую функцию, т.к. дают нам адекватный способ познания

общественной динамики. Мы можем говорить о политиках-рептилиях, инопланетянах, детях-индиго, плачущей иконе Сталина и при этом оставаться научными. Социальные науки не могут отмахиваться от дискурсов, табуируя их как ненаучные. Напротив, нас должно очень интересовать, кто говорит, что говорит, кому говорит и с какой целью. Само по себе высказывание уже является дискурсивным и медийным фактом. При этом социокультурная феноменология уточняет, что в этом случае мы имеем дело не регулярно воспроизводимым природным явлением, а с фактом особого рода, имеющего следующие признаки: 1) интенциональность, 2) коммуникативность, 3) выражение интересов группы.

На основе дискурсивных методик мы предлагаем феноменологический анализ – список вопросов, поставленный к дискурсу, медийному продукту, художественному произведению, позволяющий прояснить содержание мышления социокультурных групп:

- 1) кто говорит и какова его позиция в тексте?
- 2) для какой целевой аудитории?
- 3) каково послание? с каким ключевым текстом (нарративом, мифом) соотносён говорящий?
- 4) какая лексика используется и какие гештальты вызывает? в каком экстралингвистическом контексте существует дискурс?
- 5) какие средства передачи дискурса используются? как осуществляется диссеминация?
- 6) какая социальная группа объективирует содержание своего сознания через дискурс?

Феноменологический анализ предлагает строгую описательную процедуру для дискурсивных и медийных объектов и в этом актуальное значение социокультурной феноменологии. Дискурсивный анализ находится в русле феноменологической стратегии и означает строго фактологический подход, предполагающий редукцию предрассудков обыденного или узкоспециального сознания по отношению к социокультурным явлениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Барт Р. Мифологии // Барт Р. Избранные работы. – М.: Прогресс,

1989 – 616 с.

3. Гутнер Г. Онтология математического дискурса // www.philosophy.ru/gutner/ont.htm

4. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 510 с.

5. Дахин А. В. Актуальные исследования коллективной социальной памяти // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. – Нижний Новгород, 2011.

6. Ибатуллина Г. Слово Покаянной исповеди и текстовое сознание // www.philosophy.ru/library/ibatul/ibatul.html

7. Кругликов В. А. Незаметные очевидности // www.philosophy.ru/iphras/library/kruglikov.html

8. Молодцова Е. Н. Пограничные территории науки // www.philosophy.ru/iphras/library/granitsy/molodcova.htm

9. Киященко Л. П. В поисках исчезающей предметности: (Очерки о синергетике языка) // www.philosophy.ru/iphras/library/kiyaschenko

10. Киященко Л. П. Мифопоэзис научного дискурса // <http://iph.ras.ru/page47850562.htm>

11. Кутырев В. А. Философия постмодернизма // www.philosophy.ru/library/kutyrev/postmodernphil.html

12. Латино-англо-русский словарь философских терминов // <http://www.philosophy.ru/library/aquino/vocabularium.html>

13. Мамчур Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности // www.philosophy.ru/iphras/mamchur.htm

14. Неретина С. С. Автор и дискурс // www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/neret1.htm

15. Огурцов А. П. Благо и истина: линии расхождения и схождения // www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/ogurzova.html

16. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – 1040 с.

17. Тищенко П. Д. Аналитика научного дискурса // www.philosophy.ru/iphras/library/philnauk.html

18. Фуко М. Археология знания. – М.: Прогресс, 1977. – 406 с.

19. Фуко М. Дискурсия и человеческое бытие // Фуко М. Слова и вещи // www.philosophy.ru/library/foucault/01/10.html

20. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: «Весь Мир», 2003. – 416 с.

21. Шубрт И. Парадоксы коллективной памяти // Коллективная

социально-историческая память и вызовы современности. – Нижний Новгород, 2011.

22. Язык и наука конца 20 века: Сборник статей / *Степанов Ю. С., Фрумкина Ю. С., Руденко Д. И.* и др. – М.: РГГУ, 1995. – 432с.

